

Весека Р. Дурье с Натальей Викторовной. Кассета 7.
Первая сторона.

Original in the
Howard Gottlieb Archival
Research Center
Boston University

Н.: ... происходящее... и информации-то, полное отсутствие информации... то есть, сама жизнь в этом аквариуме, я не знаю, железном ядике, она действовала. То есть, была какая-то традиционность мышления советского человека. Я например, думала, что может быть, Америка и Англия, которые хотят на нас напасть, могут воспользоваться таким замещательством, понимаете?

Р.: Смута какая-то?

Н.: А?

Р.: Смутное время... какое-то...

Н.: Да, смутное время, а что на нас никто не собирается нападать, это я позже поняла. Вот. Так же как мне было ясно, что Сталин в общем хочет войны и готовится к ней, и что если он... будет жив, то мы снова будем воевать, и что это будет какая-то агрессивная война - я не сомневалась. Но я думала, что такие же агрессивные планы и у Америки и Англии. По полному отсутствию информации истинной, понимаете, и по пропаганде очень широкой. Не было же информации. Мы действительно были как рыбки в аквариуме. Понимаете, не выпрыгнешь из этой среды. Так что я с тревогой и с некоторым облегчением, то есть я рада была, что он отдал концы наконец. И было совершенно неприлично, потому что в медпалате на похороны... у нас прекратили работу, принесли радиоприемник и все издательство, там 32 человека всего было, собрались слушать эти похороны по радио. И все плакали, кроме меня. Я не могла... не могла плакать и вообще делать вид, что я плачу. Да и университетно это было бы, делать так. И я видела, что на меня поглядывают с изумлением, по меньшей мере с изумлением. Что я не плачу. Но я с большим тогда интересом слушала эти три речи, которые были. Молотов выступал, Берия выступал и Маленков. Самая интересная речь, по-моему, была у Маленкова. Молотов просто утонул в соплях и слезах, причем думал, что совершенно искренне рыдал. Он говорить не мог от слез. Он еще и заикался, вообще говоря.

Р.: Верия?

Н.: Нет, Молотов.

Р.: Молотов...

Н.: Молотов-зайка... А тут, в минуты волнения он стал совсем
зайкаться. Но он не мог говорить от слез. А Верия... Верия...
отвратительное какое-то было выступление, и чувствовалось, что
это отвратительный тип. А у Маленкова, который говорил траурные
слова, слова о горе там. у него голос летел, звенел радостью.

Это было так поразительно...

Р.: Да. Ну может быть он думал, что он скоро будет вождем?

Н.: Так он и был у власти какое-то время.

Р.: Да.

Н.: Недолгое.

Р.: Недолгое... А какой акцент у Верии был, тоже как большой
грузинский или...

Н.: Нет, он гораздо чище говорил, чем Сталин. Сталин говорил с
сильным акцентом. Нет. Верия в общем почти чисто говорил. Немножечко...

Р.: И какой голос у Сталина был, не говоря уже об акценте... Вы слышали
его?

Н.: Конечно слышала, по радио...

Р.: И какой был голос?

Н.: У него был хороший голос. Довольно низкий... Звучный. Он
говорил с раздумьем. Шутил много. Острил. Приводил поговорки.
Он же очень много читал, между прочим.

Р.: Да, читал..

Н.: Он ссылался на литературу, да. И он говорил очень медленно,
как бы с раздумьем. В общем, это... по Пушкинскому "Борису Годунову",
что он... был... что монарх, царь должен говорить редко и что
голос его должен звучать, как вечевого колокол. Вече - это вот...

Р.: Да, вече...

Н.: Как вечевого колокол...

Р.: Это у Пушкина?

Н.: Это у Пушкина, да. Вот я думаю, что он это понимал.

Р.: Это была его, между прочим, любимая опера, Сталина.

Н.: Правильно, конечно, правильно. Я не знаю, бывали ли у него мальчики кровавые в глазах, как у Бориса Годунова, или нет. Думаю, что нет, хотя он ведь очень боялся ведь всего.

Р.: Боялся всего, да?

Н.: Думаю, что да. Ведь никто вроде не знал, в какой комнате он будет ночевать.

Р.: Он был человек большого подозрения и одновременно у него была очень прочная основа для... бояться. Я говорю о Сталине...

Н.: Конечно... Своему сыну, Игорю, в 46 году я объяснила, кто такой Сталин. Ему было 8 лет, он был во втором классе.

Я прихожу домой, вот я его взяла из детского дома. На стенку наклеен портрет Сталина, вырезанный из газеты. Я его содрала. Через день, два... почти в каждой газете были портреты Сталина,

Р.: Легко достать...

Н.: ...он опять, значит, наклеил портрет. Я его снова содрала. И тогда он меня спросил: "Мама, а почему ты срываешь портреты Сталина?" И я ему выложила...

Р.: Что именно сказали ему тогда?

Н.: Я ему сказала, что Сталин - людоед. Знаешь, что такое людоед?

Р.: Да.

Н.: Нет, это я его спросила, знает ли он, кто такой людоед. Это человек, который пожирает людей. Палач. Ты знаешь кто такой? Палач, который рубит людям головы. Вот Сталин - людоед и палач. Запомни это. Он весь в крови, Игорюша, в крови невинных людей. Если ты кому-нибудь скажешь то, что я тебе говорю, со мной сделают то же самое. Но он молчит у меня, могила. С самого раннего детства. Он молчун. Он и сейчас молчун. Ему гораздо труднее раскрыть рот и что-либо сказать, чем молчать, понимаете? Он такой человек. И я ему долго тогда рассказывала про Сталина.

Р.: И понял?

Н.: Абсолютно. Да. А второй раз, когда мы с ним бежали, это был 49 год, наверно, 48____ Это был 46, а то 48, да вот, когда мы с ним убежали. Вообще это была эпопея. У меня нигде никого не было. Понимаете? Во всем мире. У меня не было человека, к которому я могла обратиться за защитой. И какая вообще защита могла быть.

*tell
Igor*

Но не к кому было... Я работала в газете, и поскольку я работала в газете, ну, районная газета... она все равно газетенка. А я заведовала сельхозотделом. Причем заведующая сельхозотделом я же была и единственным работником в этом сельхозотделе. Вообще я все время по деревням ездил. Это вот там, я вам рассказывала, как самогон...

P.: О самогоне...

H.: О самогоне, да. Значит ... Там самогон из свеклы...

P.: Из свеклы, может быть... Да.

H.: Да, там же есть свекольное производство сахара. Это уже юг, близко к Украине. Там заводы сахарные и возделывают свеклу. И называлось это коньяк "Три свеклы".

H.: Ничего более отвратительного... на фронте это я много самогоне пила. И в общем к самогонам привыкла, хотя это в общем всегда мерзость. Вы знаете, я из-за этого не люблю виски. Виски нахнет самогонном.

P.: Да, напоминает самого.

H.: Напоминает самогон. Я не знаю, почему. Мне говорят, что это очистка прекрасная у виски... Но вот этот запах эфирных масел; в виски есть и он мне мне отвратителен, потому что мне приходилось много самогона пить.

Но вот , приезжая я , значит, в село. Села там большие, по 700 дворов, по 900 дворов. Большие очень села. Это уже к югу ближе. В средней России деревни может быть 8 изб, 8 дворов, 10 дворов, а там нет - там большие села. И бываю хутора. Но их ликвидировали еще в 30-е годы, потому что это все кулаки были. Вот, а села бошьшие, ну, там, 120 дворов - это небольшое село. Приезжаешь, ну, значит куда? Чаще всего, к бригадиру, или председателю колхоза. Надо же где-то переночевать. Первое, что делают, достают бутылку самогона. Он розовый. Он до такой степени плохо перегнан, что он розовый. Мутный. Запах... вот этот коньяк "Три свеклы". И первым делом... а пьют же стаканами... в России же пьют стаканами водку, либук, и самогон тоже. Но я после фронта была конечно натренирована на это дело, лихо пила. Пытаются наливать:

Original in the
Howard Gottlieb Archival
Research Center
Boston University

5

начинаешь говорить: "Да я не пью". И так очень веско всегда
разъясняют: "Ты, девка, не мудри. Не пьют три человека: кто помер,
кто не родился, и кому не поднесли".

Р.: Так говорят там?

Н.: Да. Вот и приходится пить конечно. Иначе не... материал не
достанешь. Тут уже выпьют - разговор начинается, как что...

Р.: И вкус был тоже отвратительный?

Н.: Ужас...

Р.: И надо вот так...

Н.: Ну, надо... как водку пьют - залпом.

Р.: Ну, лучше все-таки так. Быстрее проходит через рот.

Н.: К чему это я рассказывала, я не знаю. О чем мы говорим?

Р.: О том, что когда вы уехали... с Игорем...

Н.: А... Вспомнила, вспомнила я... Так Игорь считал своим
долгом... Игорь был уже в 4 классе в это время... и ходил там в
школу... Я просто вспомнила одну смешную вещь...

Р.: Какую?

Н.: Ну, это такая... Игорь приходит там, это районная там школа
и говорит: "Мать, представляешь, учительница пишет склонение существи-
тельных и пишет "о знание". А я в тетрадке пишу "_о знании". То есть,

он знает больше, лучше.

Р.: Да.

Н.: А сосед по парте толкает его, заглянув к нему, и показывает, ты
не так списал. А я говорит, ему говорю: "Это она ошибается, Это она
неправильно написала. Я правильно написал." И тогда тот - ему
в тетрадь, на доску, ему в тетрадь - на доску, и написал "о знанию".
Уже запутавшись...

Р.: Это уже деятельный падеж...

Н.: Да, и он значит, считал своим долгом читать газету, в которой
я практически каждый день печаталась и писала... И он спросил меня: "
"Мать, а как это выходит? Ведь в газете все неправду пишут, ведь все
живут совсем не так"...

Р.: С какой точки зрения: с грамматики и ли с точки зрения правды?

Н.: Нет, что неправду о жизни пишут. Что кругом голодают и столько
бедных, и все плохо одеты, а ведь в газетках все совсем наоборот

пишут. И тогда я ему закатила длинную беседу о...об идеологии.
Ему было 10 лет в это время... и он тоже все понял, 10, одиннадцатый год...

Р.: А как вы ему все это ему объяснили, как объяснили все это?

Н.: Опять...опять к Сталину... что вынуждены врать, что коммунисты обманывают народ и говорят что-то хорошо... Ты видишь, что я работаю в газете, и что газета пишет. Это все неправда. Что народ несчастный. И голодных много, и все хуже и хуже... В общем, я ему говорила очень такие вещи.. и он все понимал...

Р.: И он тоже знал, что опять нельзя говорить посторонним?

Н.:Конечно. Это он понимал хорошо. Мы слишком долго в ужасной нищете жили. Например, после войны стол, дешевый простой стол купили только в 55 году, т о есть через 10 лет после войны. До этого - не было, мы голодали.Денег не хватало на то, чтобы купить стол. Выключайте, слушайте, я устала, и Вам пора идти.

Р.: Да, пора идти. Конец пленки, нет ничего на другой стороне.

Конец пленки.

Original in the
Howard Gottlieb Archival
Research Center
Boston University